

Франц Кафка

Внезапная прогулка

Перевод с немецкого
Соломона Апта

ФТМ

Франц Кафка

Внезапная прогулка

«ФТМ»

1913

Кафка Ф.

Внезапная прогулка / Ф. Кафка — «ФТМ», 1913

«Вечером, когда ты, кажется, окончательно решил остаться дома, надел халат, сядишь после ужина за освещенным столом и занялся такой работой или такой игрой, закончив которую обычно ложишься спать, когда погода на дворе стоит скверная, так что сам бог велит не выходить из дому, когда ты уже так долго просидел за столом, что своим уходом сейчас удивил бы, когда и на лестнице уже темно и парадное заперто...»

© Кафка Ф., 1913

© ФТМ, 1913

Франц Кафка

Внезапная прогулка

Вечером, когда ты, кажется, окончательно решил остаться дома, надел халат, сидишь после ужина за освещенным столом и занялся такой работой или такой игрой, закончив которую обычно ложишься спать, когда погода на дворе стоит скверная, так что сам бог велит не выходить из дому, когда ты уже так долго просидел за столом, что своим уходом сейчас удивил бы, когда и на лестнице уже темно и парадное заперто, а ты, несмотря на все это, с внезапным недовольством встаешь, меняешь халат на пиджак, сразу оказываешься одетым для выхода, объявляешь, что должен уйти, и после краткого прощанья уходишь и вправду, вызвав у оставшихся большее или меньшее, в зависимости от поспешности, с какой ты захлопнул за собой дверь, раздражение, когда ты приходишь в себя на улице и все части твоего тела отвечают на эту уже нежданную свободу, которую ты им дал, особой подвижностью, когда чувствуешь, что одним этим решением ты собрал в себе всю отпущенную тебе решительность, когда с большей, чем обычно, ясностью понимаешь, что ведь у тебя больше силы, чем потребности легко совершить и вынести самую быструю перемену, и когда так шагаешь по длинным улицам – тогда ты на этот вечер полностью отрешаешься от своей семьи, она уходит в бесплотность, а сам ты, до черноты резко очерченным монолитом, всю подхлестывая себя, поднимаешься к истинному своему облику.

Все это только усиливается, если в этот поздний вечерний час навестишь друга, чтобы посмотреть, как живется ему.

Все те – в том числе и я, – кому даже самый обычный, маленький крот кажется омерзительным, наверное, умерли бы от омерзения, доведись им увидеть гигантского крота, появившегося несколько лет назад вблизи маленькой деревеньки, которая благодаря этому случаю приобрела своего рода мимолетную популярность. Теперь сама деревенька исчезла из людской памяти, как, впрочем, и все это странное происшествие, так и оставшееся неразгаданным, что не удивительно, ибо никто особенно не старался разгадать его, и как раз те лица, которые обязаны были изучить этот феномен и которые усердно изучают куда менее значительные явления, по непостижимой халатности, не утруждая себя сколько-нибудь тщательным исследованием, предали его забвению. То обстоятельство, что деревня расположена вдали от железной дороги, ни в коем случае не может служить оправданием. Множество людей, влекомых любопытством, приезжали издалека, даже из чужих стран, и только те, кому надлежало проявить не одно лишь любопытство, не пожелали приехать. Более того, если бы отдельные лица, простые смертные, почти без передышки занятые повседневным трудом, – если бы эти люди не взялись за дело бескорыстно и самоотверженно, слух о необычайном явлении, по всей вероятности, не вышел бы за пределы своей округи. Нельзя не отметить, что и самый слух в данном случае против обыкновения оказался чрезвычайно медлителен; если бы его, выражаясь фигурально, не подталкивали, он бы вообще не распространился. Но это, разумеется, недостаточное основание для бездействия, напротив, именно такое явное отклонение от нормы нужно было исследовать дополнительно. Вместо этого составление единственного письменного документа, свидетельствующего о феномене, было передоверено старику учителю, который по праву слыл превосходным педагогом, однако не обладал ни достаточными природными данными, ни специальной подготовкой для исчерпывающего, подлинно научного описания своих наблюдений, не говоря уже о полной его неспособности объяснить их. Небольшая работа его была опубликована, ее охотно покупали тогдашние посетители деревни, многие даже хвалили ее, но сам учитель, как человек умный, понимал, что его одиночные, никем не поддержанные усилия, в сущности, не имеют никакой цены. Тот факт, что он все же не отступился и продолжал считать разгадку стран-

ного случая делом своей жизни, хотя оно год от года сулило все меньше надежд, доказывает, во-первых, какая сила воздействия таилась в феномене и, во-вторых, сколько упорства и убежденности можно обнаружить в старом, незаметном сельском учителе. Однако, судя по короткому послесловию, которым он дополнил свой труд, – правда, лишь несколько лет спустя, когда едва ли кто-нибудь помнил еще, о чем идет речь, – он сильно страдал от холодного равнодушия, проявленного авторитетными лицами. В этом послесловии, быть может и не очень складном, но подкупающем своей искренностью, он сетует на непонимание, с которым столкнулся там, где меньше всего мог этого ожидать. Об этих людях он отзывается весьма метко: «Не я, а они рассуждают, словно старый сельский учитель». И приводит, между прочим, слова одного ученого, к которому нарочно поехал поговорить о своем деле. Имя ученого не названо, но по некоторым косвенным обстоятельствам можно догадаться, кто это. Преодолев немалые трудности, учитель наконец добился приема, но уже с первых слов понял, что ученый относится к его делу с несокрушимым предубеждением. О том, как невнимательно был выслушан пространный отчет учителя, подкрепленный выдержками из его работы, свидетельствует замечание ученого, оброненное им после некоторого раздумья или видимости такового.

– В вашей местности ведь особенно черная и плотная земля. Вот кротам и достается особенно жирная пища, и они становятся очень большими.

– Но не такими же! – с негодованием воскликнул учитель и, несколько увлекшись, отмерил на стене целых два метра.

– Отчего бы и нет, – отвечивал ученый, явно забавляясь разговором.

С этим учитель и вернулся домой, Он рассказывал, как вечером, в снежную метель, его поджидали на дороге жена и шестеро детей и как ему пришлось сознаться им в окончательном крушении своих надежд.

Когда я прочел о приеме, оказанном учителю этим ученым, я еще ничего не знал об основном труде учителя. Но я решил незамедлительно сам собрать и обработать данные, какие удастся добыть по этому вопросу. Сознывая свое бессилие перед ученым, я надеялся своей работой хотя бы поддержать учителя или, вернее, не столько учителя, сколько благие намерения честного, но беспомощного человека. Не скрою, я потом сильно раскаивался в своей опрометчивости, ибо вскоре почувствовал, что мое вмешательство неминуемо поставит меня в нелепое положение. С одной стороны, я сам был в достаточной мере беспомощен и не мог заставить ученого, а тем более общественное мнение отнестись к учителю благосклонно; с другой стороны, учитель непременно должен был заметить, что главная цель, которой он добивался – доказать существование огромного крота, – заботит меня куда меньше, нежели защита его личной порядочности, что, как он полагал, само собой разумелось и не нуждалось в защите. Так получилось, что моя попытка объединиться с ним не встретила понимания и, вместо того чтобы ему помочь, мне самому пришлось подумать о помощнике, а появление такового представлялось более чем сомнительным. И, помимо всего, я взвалил на себя тяжелый труд. Я хотел убедить, но при этом нельзя было ссылаться на учителя, ибо он-то никого убедить не сумел. Знакомство с его работой только сбilo меня с толку, и я предпочел до завершения своей собственной ее не читать. Я даже встречаться с ним не пытался. Он, правда, узнал через третьих лиц о моих изысканиях, но ему не было известно, в каком направлении я работаю – за или против него. Вероятно, ему мерещилось именно последнее, хоть он впоследствии и отрицал это, и у меня есть тому доказательства, так как он неоднократно ставил мне палки в колеса. Эму это ничего не стоило, потому что ведь я был вынужден повторить все уже проведенные им исследования, и он в любом случае мог опередить меня. Это был единственный справедливый упрек – кстати сказать, неизбежный, который мог быть предъявлен моей методике, – но и он в значительной мере терял силу ввиду крайне осторожного, почти смиренного тона моих утверждений. В основном же

мой труд был абсолютно свободен от влияния учителя; быть может, я в этом отношении проявил даже чрезмерную щепетильность – получилось так, будто никто до меня не исследовал этого случая, не опрашивал свидетелей и очевидцев, не систематизировал показаний, не делал выводов. Впоследствии, прочитав работу учителя – у нее было очень громоздкое название: «Крот, такой большой, какого еще не бывало», – я и в самом деле убедился, что по многим пунктам наши мнения расходятся, хотя основной факт – существование гигантского крота – мы оба считали доказанным. Тем не менее эти отдельные несогласия помешали возникновению дружеской близости между мной и учителем, на что я вопреки всему надеялся. Напротив, в нем чувствовалась даже некоторая враждебность. Правда, он всегда держался со мной очень скромно и почтительно, но тем легче было заметить его истинное отношение. Он явно считал, что я сильно навредил ему своим вмешательством и что мое убеждение, будто я принес или мог принести ему пользу, в лучшем случае говорит о моей глупости, а скорее всего, это наглость, если не коварство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.